

Памяти Ульриха Рихардовича Фогта

А. М. ГУРЕВИЧ

«ЗЕМНОЕ» И «НЕБЕСНОЕ» В ЛИРИКЕ ЛЕРМОНТОВА

Поэзия Лермонтова принадлежит к вершинным, итоговым достижениям русской романтической литературы. Наиболее полно и ярко воплотила она главнейшие, сущностные черты романтизма как литературного направления и художественного метода, вобрала в себя традиции многообразных романтических течений и школ, отечественных и зарубежных. В этом смысле Лермонтов может быть назван характерной фигурой 1830-х годов — эпохи, когда романтизм занимает в литературе господствующее положение, а романтическая проблематика получает дальнейшее углубление и развитие.

Характерной и в то же время — исключительной, ибо в своем духовно-этическом максимализме Лермонтов заходит намного далее, нежели это свойственно писателям-романтикам. В его творчестве, равно поражающем беспощадностью отрицания и могучим полетом мечты, достигает предельного напряжения основное противоречие романтического мироощущения — противоречие между идеалом и действительностью. Причем глубина и сила разочарования выступает у Лермонтова как прямое следствие повышенной требовательности к людям, миру, самому себе: душа, жаждущая совершенства, «...в настоящем все не так, как бы хотелось ей, встречается» [1, т. I, с. 306]. И наоборот — доведенное, казалось бы, до предела неприятие действительности лишь усиливает стремление к идеалу, укрепляет «веру гордую в людей и жизнь иную» [1, т. II, с. 131].

Даже в сравнении с романтически-возвышенными идеалами людей 1830-х годов, грезивших об абсолютном разрешении трагических противоречий жизни, о некоей высшей гармонии, социальной, духовной, нравственной, о грядущем единении и счастье человечества, мечты и стремления поэта поражают безмерностью и какой-то беспощадной категоричностью. Его не может удовлетворить «несбыточная, но прекрасная мечта земного, общего братства» [1, т. V, с. 147] — слова Юрия Волина из драмы «Menschen und Leidenschaften». Его влечет мысль о райском блаженстве, жажда вечной любви, бесконечного существования.

Художественно-символическим выражением этих предельных требований к жизни и является образ «неба» в его противопоставлении «земле», напряженно-непримиримая антитеза «земного» и «небесного» начал — факт, неоднократно отмечавшийся в научной литературе. В ряде работ дореволюционных и советских литературоведов высказано немало глубоких, верных соображений относительно содержания и смысла этой центральной коллизии лермонтовского творчества. Однако внимание исследователей еще не останавливало, кажется, то обстоятельство, что символика земного и небесного у Лермонтова многозначна, а содержание ее текуче, изменчиво. Попытаемся же выявить важнейшие смысловые грани этих ключевых образов лермонтовской лирики.